

Инна Арутюнова

Неопубликованное стихотворение Велимира Хлебникова

Своей родословной я начала заниматься очень поздно. Только в 1993 г. благодаря выставке старинных польских гербов, выставленных Вроцлавским музеем в Одесском историко-краеведческом музее, где я тогда работала, я смогла найти двоюродного брата в Варшаве и вместе с ним пытаться что-то восстановить. На все мамины запросы в поисках родных, которых растеряли во время революции и Великой Отечественной войны, мы получали отрицательный ответ. Только польские коллеги и позже сотрудники Каховского музея, Херсонского архива помогли в моих поисках.

Семья моей мамы из польского дворянского рода, но зарегистрированных в Таврической губернии Гонзаго-Мышковских. Об этом я знала еще в детстве, но больше мне мама ничего не рассказывала. Боялась. Это я поняла позже, когда из архива Херсона получила копию маминой метрики, где указывалась совсем другая дата ее рождения – не 7 декабря 1905 г., а 29 сентября 1904 г. (Так тогда многие дворяне «заметали следы», изменяя фамилии и даты рождения.) Старшая мамина сестра Елена, пережившая блокаду Ленинграда, нашла нас в Одессе по каким-то старым каналам в 1947 г. Вот от нее я узнала гораздо больше о нашей семье. Я узнала, что моя прабабка – плененная турчанка. Это подтвердилось гораздо позже в воспоминаниях академика Петербургской АН Д.Н. Овсяннико-Куликовского, моего двоюродного дедушки, жившего в Одессе и похороненного на 22 уч. 2-го кладбища. С этой могилой у меня, можно сказать, связана мистическая история. После смерти моей тети Елены, о которой будет речь идти

ниже, похороненной на 2-м кладбище, я, посещая ее могилу, обратила внимание на могилу Д.Н. Овсяннико-Куликовского, не зная, что это мой родственник. Просто как-то жалко стало запущенную могилу. Я стала ее убирать и приносить цветы. Много лет спустя Каховский музей, выйдя на меня благодаря Херсонскому архиву, попросил прислать фото могилы Дмитрия Николаевича и сообщил мне, что это мой двоюродный дедушка.

Тетя Лена с моей мамой иногда вспоминали детские и юношеские годы. Особенно тетя Лена. Она рассказывала мне, что в детстве и юношестве у нее была компания, в которой были ее «хвостики» Давидка Бурлюк и Янкель Мукомель, а в молодости в нее был влюблен Велимир Хлебников, который посвятил ей короткое стихотворение, которое ей понравилось. О других стихотворениях этого поэта она отзывалась не очень. Она вообще была не очень высокого мнения о своих друзьях, вероятно, в отместку за то, что они шутя ее называли крестницей убийцы. Дело в том, что крестным тети был кутаисский губернатор князь Дадешкелиани, убивший своего друга князя Гагарина.

Со всей компанией она до революции и гражданской войны встречалась и в Одессе. Ей очень симпатизировал папиросный король И. Конельский, в доме которого В. Хлебников вручил написанное им стихотворение:

Лиловая лилия. Лиловая милая. Лиловое лето.
Люблю. Губами ловлю лиловую лилию,
Лиловую милую. Лиловое лето.
А были ли это?

Я очень плохо запоминаю стихи, но это стихотворение мне, тогда еще 5-6-летнему ребенку, врезалось в память, и я всегда в кругу друзей хвасталась, что такое красивое стихотворение посвящено моей тете.

В конце 1950-х гг., несмотря на «железный занавес», художники получали вести из-за рубежа. Моим соседом по даче был художник Геннадий Малышев, с дочерью которого Лёкой я очень дружила. Из разговора его с ленинградскими гостями-художниками я услышала, что Джон Бурлюк – это Давид Бурлюк – разыскивает

Елену Гонзаго-Мышковскую и хочет что-то ей передать. Я примчалась с этим известием к тете, но она от меня отмахнулась: «Воображаю, что он может мне передать! Нарисовал мой портрет в зеленых тонах! У меня никогда не было такого цвета лица! Не смей ни с кем говорить обо мне». Может, просто боялась. Кто знает?

В конце 1980-х гг., когда я начала заниматься учеными Одессы, наткнулась на личное дело профессора Одесского пединститута Якова Мукамеля.

Вот так, живя в одном городе, они с моей тетей так и не встретились. А с В. Хлебниковым тетя встречалась еще

в С.-Петербурге, где была одно время при дворе, вышла там замуж за офицера Федора Романова. Получила от императрицы в подарок на свадьбу большое овальное зеркало в серебряной оправе, с которым не рассталась в блокаду Ленинграда. В 1-ю мировую войну ушла с мужем на фронт в качестве сестры милосердия. Муж погиб, а она смогла пройти всю войну. Во время Великой Отечественной войны работала в блокадном Ленинграде в госпитале, а после снятия блокады вернулась в Одессу, работала медсестрой в железнодорожной больнице.

Елена Гонзаго-Мышковская (Романова)
в костюме турчанки

